

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Девушка
с приветом

Издательство АСТ
Москва

Умные люди учатся на чужих ошибках, я повторяю собственные. Поддалась уговорам Бабановых, на время их отпуска взяла годовалого пуделя Приветика. Конечно, дело хозяев кличку щенку выбирать. Разве Бабановым могло прийти в голову, что их карликовый пуделек возомнит себя гончим псом, что он станет удирать во время прогулок, а я носиться за ним в леске у Кольцевой дороги и вопить:

— Приветик! Привет!

Из кустов будут вылезать бомжеобразные личности и тянуться ко мне:

— Здорово!

И у местных собачников я приобрету гордое имя Девушка С Приветом.

Ведь у меня уже был опыт с предыдущей собакой семьи Бабановых — эрделем Баклажаном, сокращенно — Баком. Обиду на хозяев-отпускников Бак вымещал на моем ковре. На прогул-

ках нюхал цветочки и проверял содержимое мусорных баков. А то, что от него требовалось, совершал исключительно в центре комнаты. Ирина уверяла, что Бак питал ко мне горячую собачью любовь.

Действительно, ему нравилось после обеда вытирать бороду о мою юбку.

— Гуляем на поводке, — предупредила я собачку. — Без фокусов. Сорок минут — и ни секунды больше.

Приветик сделал вид, что согласился, и радостно завилял хвостом.

Едва мы вышли из подъезда, он повел себя как выпускник цирковой школы: встал на задние лапки, передние трогательно поджал, мордочку наклонил в сторону и тихо заскулил: отпусти, мол, буду вести себя хорошо. Я ему поверила.

Привет носился между деревьев и по полянке, призывал других собак поиграть, но сытые городские псы быстро уставали, ложились на землю и тяжело дышали, высунув из пасти языки. Приветик мчался дальше в поисках новых друзей. Я трусила за ним.

Между Ореховым бульваром, на котором я живу, и Окружной автомобильной дорогой находится пострадавший от близости новостроек ле-

сок. Он представляет собой овраг, на дне которого течет речка, на карте обозначенная как Городня, а местными мальчишками прозванная Речка-Вонючка. Второе имя, пожалуй, более точное.

Во время очередных кульбитов в воздухе Приветик неудачно приземлился на склон и кубарем покатился в речку. Я бросилась за ним: чего доброго, свалится в воду и захлебнется.

— Приветик! Приветик! — кричала я, набирая скорость на спуске.

По берегу шел мужчина в джинсах и ветровке. Услышав мои возгласы, он недоуменно остановился, развернулся, на секунду замешкался, а потом обреченно развел руки для приветственного объятия — решил, что я к нему лечу, руками размахиваю, чтобы на шею броситься.

Так и получилось — я споткнулась и лбом врезалась ему в грудь. Еще не успев освободиться от чужих рук — гораздо все-таки наши мужики с кем попало обниматься, — из-за плеча «знакомого» я увидела, что Приветик благополучно выбрался на противоположный берег и стал отряхиваться. А в следующую секунду я снова завопила: на нас мчался со свирепым лаем огромный черный чемодан — ризеншнауцер. Я выскользнула из объятий, быстро развернула мужчину спиной к себе и спряталась за ним. Инстинкт самосохранения напрочь отшиб чувство человеколюбия, и, чтобы «знакомый» не удрал, я так крепко вцепи-

лась в его куртку, что застежка-молния на груди вот-вот могла разъехаться. И все это время я истошно визжала от страха.

Не знаю, как у других женщин, но у меня во время истерического визга способность трезво мыслить не пропадает. Однажды, увидев мышь на своей кухне, я с криком вскочила на стул и, пока верещала, успела подумать, что мордочка у мышонка в общем-то симпатичная, а у стула, на который я запрыгнула, подгибается ножка. Сейчас, надрывая голосовые связки, я прикидывала, успею ли броситься за помощью, пока пес будет грызть этого несчастного.

— Молчите окончательно, пожалуйста! — велел мужчина, слегка повернув лицо ко мне.

Я не успела подумать о странности формулировки приказа, как он снова скомандовал:

— Рэй! А лугар! Съентате!*

Или что-то в этом роде, то есть не по-русски. Ризеншнауцер затормозил и сел. Он продолжал рычать и показывал мне зубы, приподняв верхнюю губу. Батюшки! Что это были за зубы! Они бы с легкостью, одним клацаньем, размозжили не только лучевую, но и большую берцовую кость. Набрасываться на живой щит пес не собирался.

— Это моя собака, — заявил щит, — она вас не тронет. Спокойно! Свои! Спокойно! — велел

* Место! Сидеть! (*исп.*)

он черному чудовищу. — Вы бы не могли отпустить меня немного? Потому что Рэй предполагает некоторую опасность для меня.

— Он предполагает? — пробормотала я, с неохотой выпуская из рук ткань куртки. — Больше он ничего не предполагает? Он сегодня завтракал?

— Конечно. Вы были бы очень любезны стать со мной рядом, чтобы он не нервничал.

— Ни за что, — сказала я, рассматривая из-за спины собачьи клыки. — Возьмите его на поводок, наденьте намордник и свяжите ноги. Двигайтесь!

— Ноги я связывать ему не могу, — ответил мужчина.

Прибежал Приветик и стал весело размахивать хвостом, кружиться вокруг ризеншнауцера, предлагая ему поиграть. Черная псина не обращала на пуделя внимания, только пялилась на меня и грозно рычала.

— Приветик, Приветик, иди сюда, дорогой, — громко зашептала я.

Волкодав мог проглотить пуделька не поперхнувшись.

— Но я уже здесь. — Мужчина сделал попытку развернуться. — Мы с вами были знакомы прежде?

— Нет, черт подери, — шипела я. — Не вертитесь! Приветиком зовут мою собаку. Усмирите, наконец, своего монстра!

— Рэй — очень умная и верная собака, — сказал обиженно мужчина, шагнул к своему псу и взял его за ошейник.

Я подхватила Приветика на руки. Хотела было посоветовать владельцу Рэя выгуливать собаку в клетке на колесиках, но, вспомнив, что еще минутоу назад бросилась на шею этому человеку, а потом подвергала его жизнь риску, только возмущенно пожала плечами, фыркнула и пошла прочь.

— Больше не допросишься, — твердила я Приветику, — не спущу с поводка, даже если заговоришь человеческим голосом.

Пес радостно колотил грязным хвостом по моей куртке, норовил подпрыгнуть и лизнуть мой нос.

Конечно, я опоздала. Тетя Капитолина стояла у входной двери. Ключ от моей квартиры лежал у нее в сумке, я тысячу раз призывала тетушку пользоваться им. Бесполезно. Запасной ключ, как и любые другие предметы, имел у тетушки четкую инструкцию применения. Во-первых, им можно воспользоваться (после продолжительной нотации), если я потеряю свой ключ. Во-вторых, если я буду лежать дома в бессознательном состоянии (но предварительно должна позвонить и сообщить об этом). В-третьих, запрет снимается при явлениях катастрофического характера — дыма или воды из-под двери кварти-

ры. Во всех остальных случаях открыть замок своим ключом — значит вторгаться в мою личную жизнь. Иное дело — воскресные инспекционные проверки, на которые она тащилась ко мне в любую погоду через весь город. Они под определение вторжения в личную жизнь не попадали.

Кроме племянницы, то есть меня, у тети Капы не было близких родственников в Москве. Ее сын Женя вместе с женой Леной и внуком Артемом десять лет назад уехали в Америку. В аэропорту, когда мы их провожали, Лена отвела меня подальше, кивнула в сторону свекрови и торопливо зашептала:

— Скажи ей, чтобы и не вздумала нас навещать в ближайшие пять лет! Если решит перебраться к нам, я увезу свою семью в Антарктиду! Господи, неужели мы от нее избавились?

Я согласно кивнула. Лену можно понять.

Тетя Капа своими нравоучениями святого доведет до бешенства.

Тетя Капа — добрейший человек. Но доброта ее до крайности конструктивна: желая улучшить жизнь людей, тетушка их постоянно учит и наставляет. У нее сформировались правила поведения по каждому акту человеческого бытия. Я бы не удивилась, услышав от нее рекомендации о том, как правильно открывать глаза утром и закрывать на ночь.

Чтобы полюбить мою тетушку, нужно основательно хлебнуть горя. Тогда она прищипнется, осушит в два приема болото, в котором ты захлебнулся, сделает тебе искусственное дыхание, промывание желудка, а заодно и мозгов.

— Это бабановская собачка, — начала я говорить, еще поднимаясь по лестнице. — Она грязная, потому что провалилась в речку, я ее сейчас вымою, меня попросили только на две недели поддержать ее, блох у нее нет, очень приветливая, даже имя соответствующее.

Я тараторила, чтобы не дать возможности тетушке начать отчитывать меня с первых же минут. Но, как всегда, просчиталась.

— Здравствуй, Юлия! Почему ты не поздоровалась? Это невежливо. Я родной человек, но подобная небрежность может произвести плохое впечатление на других.

— Ой, извини, тетя, здравствуй! Я тебя не целую, потому что выпачкалась вся.

— Ты уверена, что собака не подхватила инфекцию в речке? Ее необходимо обработать антисептиком.

Тетушкина чистоплотность граничила с патологией. Влажную уборку в своей квартире она делала ежедневно, кухня у нее походила на операционную, а кафель в ванной сверкал так, что можно было обходиться без зеркала.

Пока я купала Приветика, тетя Капа обошла мою квартиру.

— У тебя был Анатолий, — заключила она.

Диван сложен, постель убрана, мусорный пакет с окурками и пустой бутылкой от шампанского я выбросила, коробку от шоколадных конфет тоже — как тетушка догадалась?

— Ты просто воплощенная мисс Марпл, — усмехнулась я. — С чего ты взяла?

— Я совершенно нормальная, а не воплощенная. Все мужчины пахнут.

— Да? — поразила я. — Все одинаково?

Ты помнишь мужской запах? Тетя Капочка, тебе скоро семьдесят, воспоминания о мужских благовониях будят в тебе былые страсти?

Моя тетушка напрочь лишена чувства юмора. Может быть, когда-то оно у нее и было, я того периода не застала. Тонкая ирония была ей не доступна, а если она видела в кино, что человек садится мимо стула или кому-то в лицо летит торт, то думала о возможном переломе копчика или возмущалась безобразным отношением к труду кондитера. Легкая насмешка была лучшим оружием против нападок тетушки: она терялась из-за неспособности взять в толк, над чем насмеются, и сбивалась с колеи праведных сентенций.

— Перестань говорить глупости, — сказала тетушка. — Все мужчины пахнут одинаково.

во — одеколоном и тамбуром электричек. Значит, твои отношения с Анатолием продолжаются?

— Ага. Что ты мне принесла? — Я принялась копаться в ее сумке. — О, мидии! Обожаю. Сейчас мы с тобой перекусим.

— Не знаю, почему тебе нравятся морские гады. Но ты, надеюсь, завтракала? Ела кашу? На голодный желудок это... Как ты открываешь банку? Надо сначала...

— Постелить на стол полотенце, — прервала я ее и стала перечислять, — вымыть консервы под краном, высушить. На полотенце положить разделочную доску, сверху банку, достать консервный нож... Тетя, я это слышала миллион раз. Видишь, здесь специальная петелька? Одно движение руки — и готово, открыла.

— Не смей лезть пальцами в банку! Положи на тарелку.

Мои плохие манеры не надолго отвлекли тетушку от волнующего вопроса.

— Объясни мне, почему ты с ним не расстанешься? Я хочу знать.

— Я сама хочу.

— Чего хочешь?

— Хочу знать, чего я хочу.

— Ничего не понимаю.

— Вот и я о том. Ничего не понимаю. Но как только пойму, сразу сообщу тебе. А может, женить

его на себе, тетя Капа? Только у него уже есть жена. Ее, конечно, можно убить. Отравить, например. Я в одном детективе вычитала потрясающий способ. Варится грибной суп, подается на стол. Жертве незаметно подсыпается порошок из бледных поганок. И все шито-крыто. Тетя, собери мне летом бледных поганок, ладно?

— Что ты такое говоришь, Юля? — Тетушка ошеломленно уставилась на меня. — А дети?

— Детей тоже отравим, чтобы алиментов не требовали.

— Ты шутишь, — наконец догадалась тетя, — подобные шутки вульгарны. Хорошо, ты не хочешь говорить о своей личной жизни. Я не буду вмешиваться, но хочу, чтобы ты знала мое мнение. Анатолий — бабник, то есть человек лживый и двуличный.

— Почему сразу «лживый»? — огрызнулась я.

Это была ошибка. Если слова моей тети подвергнуть сомнению, то в ответ получишь развернутую аргументацию для бестолковых.

Тетушка разразилась монологом: мужчина, который обманывает одну женщину, обманет и вторую, и триста двадцать третью, ему ничего не стоит залезть в карман товарищу, ограбить банк, забрать игрушку у ребенка или стать политическим деятелем.

Из заурядного адюльтерщика тетя Капа вывела фигуру мирового злодея. В качестве его по-

собника я выглядела не краше. Тетушка добилась-таки своего: у меня пропало желание ее дразнить.

Почему я не расстаюсь с Анатолием? По той же причине, по которой тысячи женщин живут с нелюбимыми мужьями — значит, им это почему-то нужно. Почему — может ответить психотерапевт. После душевных бесед объяснит, что ваши комплексы и комплексы вашего избранника монтируются, складываются, как фигуры детского конструктора. В итоге получается уродливое сооружение, но вам оно милее, чем детали рассыпью в коробке на пыльных антресолях.

За консультацией к психотерапевту я не обращалась — не хочется получить диагноз нимфоманки. А вы попробуйте послать к чертовой бабushке человека, который с восхищением смотрит на вас бархатными темно-зелеными глазами, чувственная улыбка дрожит на тяжелом мужественном подбородке, а низкий завораживающий голос шепчет:

— Я постоянно ищу твои черты у других женщин. Иногда кажется, что встречаю тебя на улице, бросаюсь вслед, но это не ты. Я люблю придумывать тебе ласковые имена. Ты — мой светлый хрустальный ветерок, мой легкий многоцветный одуванчик, моя нежная перламутровая змейка. Я ищу слова для твоих губ, рук, шеи. Руки твои я буду се-

годня звать лебедушками, а губы — медовыми лепестками.

Попробуйте выставить за порог человека, который заявляет, что время для него делится не на день и ночь, недели и месяцы, а на свидания и разлуки с вами. Каждое мгновение встречи запечатлевается в его памяти, он наслаждается, дышит им, как дышит чахоточный кислородом из баллона.

Баллона обычно хватает на неделю-две.

Потом Толик снова появляется и снова бинтует мое сознание липким пластырем нежных слов и комплиментов. Того количества любовных признаний, которое я получила от него за пять лет, хватило бы дивизии старых дев на долгие вечера воспоминаний.

У Анатолия — дар объясняться в любви, природная способность; она, может быть, единственный его талант. И он оттачивает на мне свое мастерство. И в то же время я безоговорочно верю Толику, когда он говорит, что я его вдохновляю, заряжаю энергией и зову в полет его творческую фантазию.

Из моих дверей Толик выпархивает свежий и бодрый. Прямо в лоно родной семьи. Готовый терпеть занудство жены, воспитывать неблагодарных детей и создавать живописные шедевры на спичечных этикетках и почтовых конвертах.

Тетя Капа, удовлетворенная моим хмурым видом, решила закрепить успех. Она переименовала известную фразу и нанесла сокрушительный выпад:

— Он меняет женщин как презервативы!

Я уставилась на нее и ошарашенно хмыкнула:

— А меня в вульгарности обвиняешь.

— Повторяю: я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, — заявила тетушка после того, как полчаса полоскала в щелочи моего любовника. — Я намерена поговорить о твоей работе, о том, что тебе пора задуматься о своей карьере.

Час от часу не легче. На этом фланге мне вообще нечего выдвинуть в свою защиту. И шуточки не помогут.

После института я пришла работать в травмпункт. Мама тяжело болела, умирала от рака. Мы с тетушкой по очереди дежурили у нее, поэтому режим работы в травмпункте меня устраивал. Да и работником я тогда была неважным — беспомощность и горечь предстоящей утраты раздавили мое сознание. Я жила механически, как заводная кукла. Сил душевных хватало лишь на то, чтобы скрывать мрак и отчаяние, которые удавкой стягивали горло. Мама умерла, еще полгода я приходила в себя, пыталась свыкнуться с потерей. Потом появился